

УДК 316.4

**СОЛИДАРИСТСКИЕ
ПРАКТИКИ
В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ:
ВЕКТОР ВЛИЯНИЯ**

**Кононенко Александр
Владимирович**

Аспирант Института социологии
и регионоведения Южного федерального
университета,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: alecandru2006@yandex.ru

**SOLIDARISM
PRACTICES
IN INTERETHNIC
RELATIONS:
VECTOR OF INFLUENCE**

Aleksandr V. Kononenko

Post-graduate student,
Institute of Sociology
and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: alecandru2006@yandex.ru

Данная статья преследует целью дифференцировать солидаристские практики в межэтнических отношениях российского общества по способам и целям реализации социальной солидарности. Автор статьи исходит из понимания солидаристских практик как поведенческих стратегий, направленных на формирование в России гражданской (политической) нации.

Ключевые слова: солидаристские практики, межэтнические отношения, гражданская солидарность, гражданская идентичность, этническая идентичность.

The aim of the article is to differentiate solidarism practices in interethnic relations in Russian society by methods and purposes of realisation of social solidarity. The author proceeds from the understanding of solidarism practices as behavioral strategies aimed at creating a civil (political) nation in Russia.

Keywords: solidarism practices, interethnic relations, civil solidarity, civil identity, ethnic identity.

Определяя солидаристские практики как поведенческие стратегии, направленные на реализацию идеи общего блага и равенство возможностей, социальную защищенность россиян независимо от этниче-

ского статуса на основе гражданской идентичности, следует говорить о том, что 68 % россиян скептически относятся к тому, что в ближайшем будущем справедливое общество может быть достигнуто [1, с. 139]. Можно отметить, что для россиян вполне реальной является реализация принципа свободы (53 %), солидарности (39), социальной защищенности (34), равенства перед законом (32), равенства возможностей (28 %) [1, с. 140].

Исходя из этих позиций, можно говорить о том, что понимание свободы как условия самореализации, собственного жизненного выбора внушает уверенность в том, что перемены в общественных настроениях, связанные с позитивной оценкой свободы, с тем, что совместные практики возможны только при условии признания прав и свобод других, что в рамках совместных действий приоритетным является принцип добровольности, определяют субъективные условия реализации солидаристских практик. В той же степени важно, что понятие свободы не исключает понимания солидарности, того, что для реализации собственных прав и свобод важно ощущать социальную эмпатию, проникаться заботами и тревогами других и понимать, что есть проблемы и ценности, которые в одинаковой степени и волнуют, и привлекательны для всех россиян.

Поэтому солидаристские практики в сфере межэтнических отношений, осуществляясь через понимание общезначимых проблем и целей, через развитие гражданского самосознания, переформируют этнокультурные и этноориентированные установки. Общеизвестно, что после периода смятения и потери территориальной целостности страны российское общество отрицательно реагирует на этносепаратистские тенденции, что период парада суверенитетов прошел, что этносепаратисты если и формулируют собственные требования, то в осторожной форме, пытаются протолкнуть идею суверенизации легитимными способами, или играют на лакунах в российском правовом пространстве. Наряду с верой в будущее России как единого государства растет и этническое сознание. Согласно исследованиям ИС РАН, позицию «никогда не забываю о своей национальности» полностью поддерживают 47,2 %, еще 35 % симпатизируют ей [2, с. 142].

Можно говорить о том, что интерес к этнической идентичности, с одной стороны, связан с исчезновением советской идентичности, с другой – с проявлением попытки определить этническую идентичность как добровольный выбор, как выражение свободы личности для влияния на гражданскую идентичность, для того, чтобы в формирова-

нии общенациональной политики учитывались интересы отдельных этносов и не применялись формулы унификации [3, с. 177].

Важно констатировать, что большинство россиян привлекают демократия и возможность установления такого социального порядка, который бы обеспечивал реализацию социально-экономических прав граждан. Данного мнения придерживается 79 % опрошенных [4, с. 336]. Поэтому правовые практики, как можно их называть, направлены на реализацию свободы, подразумевая отстаивание демократических институтов и ценностей для того, чтобы обеспечивать условия для развития личности. Поэтому включение солидаристских практик с правовой проблематикой в систему межэтнических отношений оправдано, поскольку речь идет о том, чтобы через идеи прав и свобод, правопорядка отстаивать принципы верховенства закона, правового равенства, и в этом смысле солидаристские практики получили свое развитие в Татарстане, Башкортостане, Республики Бурятия.

Характерным моментом нынешней ситуации является то, что наблюдается спад влияния этноцентристских, сепаратистских организаций, которые в 90-е гг. нарастили политический капитал на неразрешенности проблем межэтнических отношений [5]. В этом смысле показательна история Татарского национального фронта, некогда влиятельной организации, претендующей на представительство татарского народа во всемирных ассоциациях, и ныне пребывающего в состоянии анабиоза, активности, которая проявляется спорадически, но не является свидетельством активности организации. Конечно, не следует преуменьшать опасность национализма, можно говорить о том, что в нынешней ситуации правовые практики нацелены не на расширение суверенитета, а на правовую защищенность граждан, на реализацию принципа равенства всех перед законом.

Деятельность Общественной палаты, в которой 45 % отводится правозащитной проблематике, показывает не только то, что перехвачена инициатива у грантозащитников, но и формируются институциональные площадки для включения солидаристских практик в сферу межэтнических отношений. Примечательно также отметить, что есть очевидная корреляция между уровнем социального благополучия и уровнем демократических свобод.

Следует говорить о том, что сформулированное в свое время как адекватное суждение «ценностью является свобода без ответственности и активной позиции при доминирующим и лимитирующим эту свободу государстве» [6, с. 134] не является бесспорным в нынешней ситуации. Во-первых, формируется чувство ответственности и со-

причастности к власти, гражданская компетентность и голосование россиян становятся вполне рациональными, связанными с осознанием судьбы за ситуацию в стране и необходимостью поддержания стабильности и порядка. В этом смысле правовые солидаристские практики направлены на то, чтобы обеспечить равенство возможностей всех граждан, проживающих в республиках, включить в понятие титульной нации ответственность за укрепление Российского государства за мир и национальное согласие. Имеется в виду, что само понятие должно быть лишено дифференцирующего статуса, дающего особые привилегии, что титульная нация просто означает принадлежность к определенной территории и общеисторическую судьбу.

Как показывают данные социологических исследований, правовые солидаристские практики в основном развиваются на социальном мезоуровне, но характерно, что их импульс был дан на социальном микроуровне (движение обманутых вкладчиков, ТСЖ). Можно говорить о том, что для россиян значимым становится принятие прав и свобод в качестве инструмента решения социальных проблем, что защита прав человека, в которой, как отмечают россияне, наиболее активно должно участвовать население (граждане) [7, с. 162], имеет целью развитие демократических институтов как создание условий для социальной активности.

Рассматривая возможности участия в разрешении межэтнических и религиозных конфликтов в корреляции с защитой прав человека, бросается в глаза определенное несоответствие, но это несоответствие вполне объяснимо тем, что межэтнические религиозные конфликты часто рассматриваются вне социально-правового аспекта, хотя, как показывает анализ межэтнической напряженности, часто это является следствием конфликтов на социально-бытовой почве или определяется осознанием ущемленности прав по коллективному признаку, даже в случае индивидуальных конфликтов. Если говорить о зоне влияния, то солидаристские правовые практики рассматриваются как перспективные в контексте прямого непосредственного осуществления населением местного самоуправления, к использованию таких форм, как местный референдум, муниципальные выборы, сходы граждан; во-вторых, правотворческая инициатива граждан [7, с. 166].

Поэтому со всей определенностью можно констатировать, что в системе межэтнических отношений ведется активный поиск наиболее эффективных форм участия граждан и накопленный опыт солидаристских практик, связанный с расширением роли граждан в местном самоуправлении, решением неотложных социально-бытовых проблем,

является достаточно сильным стимулом для того, чтобы из сфер межэтнических отношений вымывался негативный контекст, а деятельность структур, заинтересованных в этническом представительстве, ограничивалась заданными правовыми рамками.

Справедливо отмечая, что существует необходимость формирования общегосударственной и республиканской политики, нацеленной на формирование солидарных установок и ценностей, сопряженных с символами гражданской идентичности политики [7, с. 63], можно говорить о выработке совместной позиции общественных и властных структур по поводу используемого дискурса в рамках стимулируемого процесса межэтнической интеграции.

Показательно, что правовые практики охватывают только 2–4 % населения, но заинтересованность россиян в состоянии правопорядка в российском обществе, в том, чтобы осуществлялся принцип правового равенства и действовали институты демократии и участия, свидетельствует о немалом потенциале правовой активности россиян. Здесь важное место занимает правовая инициатива, особенно в системе межэтнических отношений. Между тем действующее российское законодательство не испытывает недостатка в правовых механизмах, позволяющих гражданам оказывать влияние на систему межэтнических отношений. Другое дело, что институциональное доверие к институтам права достаточно низкое. И это связано не столько с институциональными дефектами, сколько с существующими правоприменительными практиками. В этом смысле необходимо говорить о повышении доверия к институтам, в частности к основному из них – судебной системе. В настоящее время ей доверяют только 26 % граждан и не доверяют 50 % [7, с. 132].

На первый взгляд главное, что граждане больше доверяют институтам, чья деятельность воспринимается ими как забота об общем, коллективном благе. Своеобразная вертикаль доверия к власти отмечается тем, что до сих пор по традиции распорядительное право принадлежит властным структурам, и можно говорить о том, что недостаточно задействован потенциал профсоюзов, общественных и научных организаций. Можно говорить и об актуализации такого института, как телевидение, 35 % населения высказывают им доверие [7, с. 135].

Показательно и то, что в условиях нынешнего социально-экономического кризиса вырос уровень доверия ко всем институтам. Это связано с отношением к государству как гаранту безопасности, независимости и порядка и к тому, что структуры, призванные играть активную роль как политические институты, до сих пор не достигли ми-

нимальной точки доверия (38 % в 2015 г.) [7, с. 135]. Положение правовых институтов особенно тем, что через них в обществе формируются реальное понимание и оценка состояния права в обществе, то, каким образом правовые регуляторы будут использоваться вместо насильственных в разрешении межэтнических конфликтов.

Важно в этой связи преодолеть разрыв между неписаным правом и нормами права, чтобы не возникало эффекта параллельных правовых пространств, как это наблюдается в ряде западноевропейских государств, например, в Великобритании, где семейно-брачные отношения среди мусульман фактически регулируются шариатскими судами. Также приходится констатировать, что обоснованным основанием для развития правовых практик является ориентированность на поддержку государства, государственную ответственность за состояние правопорядка. Интересно, что для россиян важным является равенство возможностей для проявления способностей каждого (65 %) [1, с. 78]. Реальным последствием такой позиции можно считать то, что при уважении сложившихся обычаев и традиций (68 %) важным являются правовые горизонты, установление правовых условий для реализации личности. Восприятие традиций и обычаев изменяется со временем, наполняется новым содержанием, и в этом смысле необходима плодотворная работа по реконструкции обычаев и традиций, адаптации к сложившимся социальным и правовым реальностям [8]. Причем в этом обществе солидарно: опираясь на традиции, необходимо двигаться вперед.

К сожалению, мы нечасто сталкиваемся с примером изобретенной традиции – традиции, которая бы отвечала общим интересам россиян в системе межэтнических отношений. Рассматривая солидаристские правовые практики, следует обратить внимание на то, что в обществе признания противоречий между русскими и нерусскими придерживаются 24 % населения [1, с. 82]. Нельзя говорить об этих людях, что это есть прослойка убежденных националистов. В большей степени такая позиция вызвана тем, что эти противоречия конструируются в процессе предписывания им особого этнического и этнически неискоренимого характера, и что может быть представлено как ущемление или попустительство прав определенной этнической группы.

В этом смысле можно также говорить о том, что в иерархии противоречий основное место занимают противоречия между властью и народом, между чиновниками и гражданами, что свидетельствует о необходимости ответственности власти и общества за поддержание стабильности в обществе. Солидаристские правовые практики в этом

смысле могут снизить уровень противоречий, интерпретируемых как межэтнические.

Поэтому правовой дискурс в межэтнических отношениях смещается с вопросов соотношения власти на уровень правового самочувствия населения. Главное, чтобы ни одна из этнических групп не чувствовала себя ущемленной именно по этническому признаку, хотя в этом аспекте прослеживается тенденция взаимосвязи между защищенностью прав и обострением этнических чувств. Имеется в виду, что часто в условиях кризиса возникает вопрос о равном распределении федеральных дотаций республикам, и известно, что некоторой частью несистемных сил обыгрывается вопрос о незаслуженных привилегиях той или иной республики, о снисходительном отношении центра к попыткам суверенизации, к ущемлению прав некоренного населения.

Неудивительно, что в таких условиях важной становится и актуализация социальных солидаристских практик правовой направленности как фиксирующей успешность россиян в достижении различных целей. Учитывая, что в обществе мало количество людей (всего лишь 21 %), стремящихся занять высокое положение в обществе, а гораздо больше (78 %) тех, кто намерен стать профессионалом [1, с. 178], солидаристские практики правовой направленности имеют перспективу в том, что могут служить важным символическим капиталом, возмещающим материальные трудности, и, с другой стороны, приобретают истинно демократический характер, так как не связаны с политическим карьеризмом и определяются поддержкой государства в обеспечении контроля и соблюдении правопорядка и законности.

Анализируя такие факторы, как высокая социальная активность россиян, готовность к защите своих личных прав, нельзя не отметить определенный перекося индивидуализма. 57 % россиян понимают свободу как возможность быть самому себе хозяином. И в этом есть риск неправовой свободы – игнорирование правовых норм как неэффективных, избыточных для реализации жизненных стратегий [9, с. 161]. Поэтому так важно через солидаристские практики привить чувство правовой культуры, трактовать свободу как содержащую выбор и правовую ответственность личности за свое поведение.

Между тем анализ состояния межэтнических отношений, в которых принцип прав и свобод личности соблюдается как фундаментальный принцип национальной политики, указывает на необходимость рассматривать социальные правовые практики и в контексте актуализации противоречий между светским и религиозным, и в инкорпорировании правовых смыслов как необходимых для обеспечения цен-

ностного единства и стабилизации социальной системы. Поэтому правовые практики, нацеленные на ненасильственное цивилизованное решение межэтнических проблем, воздвигают барьеры на пути терроризма, насилия, оскорбления над этническими и конфессиональными чувствами отдельных групп населения.

Солидаристские практики социальной направленности отличаются от практик правовой направленности тем, что артикулируют социальные проблемы, в которых правовой аспект присутствует в качестве обеспечивающего условия. Данные практики, в отличие от практик правового уровня, зародились как деятельность инициативных групп граждан и лишены влияния официального дискурса. В нынешней ситуации значение этих практик определяется тем, что на их уровне фиксируется решение социальных проблем в контексте малых дел, что благодаря практикам социальной направленности в обществе поддерживается волонтерское движение, охватывающее 12 % россиян, развиваются общественные фонды содействия материнству и детству, приобщение молодежи к здоровому образу жизни.

Немаловажный вклад солидаристских практик социальной направленности заключается в том, что по сравнению с правовыми их влияние проявляется на уровне локальных общностей, совместного проживания людей различных культур и вероисповеданий. Важно подчеркнуть, что влияние солидаристских практик социальной направленности обусловлено таким субъективным фактором, как оценка россиянами изменения положения в различных сферах жизни российского общества, в частности, социальной обстановке населения позитивную оценку дают 33 %, а напряженную – 53 [9, с. 15].

В корреляции с межнациональными отношениями мы видим предпочтение отрицательных оценок вместо позитивных, и в этом смысле солидаристские практики проигрывают. Как отмечалось выше, в оценке межэтнических отношений важны схемы восприятия, особенно под воздействием СМИ. Солидаристские практики актуализируются и фигурируют на уровне социальных сетей. В этом смысле СМИ уделяют им мало внимания. К сожалению, работает правило «чем больше негативных новостей, тем больше интерес к изданию».

Между тем, нуждаясь в информационной поддержке, солидаристские практики социальной направленности выявляют тенденцию снижения интереса к большой политике в рамках актуализации неполитического гражданского активизма [7, с. 153]. То, что для каждого девятого важным является возможность поучаствовать в конкретных делах, принести пользу, а 8 % отмечают возможность личностного ро-

ста и развития, которые дают им гражданские практики, возможность почувствовать себя свободным [7, с. 154], имеет немаловажное значение. В обществе, несмотря на инертную массу, при формировании ядра активных граждан возможно возникновение широких движений, связанных с социальной солидарностью.

Также следует отметить, что для понимания солидаристских практик социальной направленности, которые основываются на социальной солидарности, этническая солидарность является не альтернативной, а дополняющей при условии, если границы между социальной и этнической солидарностью не определяются как безусловная альтернатива. Имеется в виду, что в рамках солидаристских практик диапазон проявления этничности достаточно широк, если связать с ними возрождение народных ремесел, реконструкцию инфраструктуры туризма, проведение профессиональных форумов и создание молодежных инновационных площадок.

Вероятно, актуальным является то, что, рассматривая солидаристские практики социальной направленности как наиболее удобную форму социального участия, компенсирующую интерес к большой политике и одновременно открывающую возможность приобщиться к ней в диалоге с властными структурами, в контексте межэтнических отношений можно говорить о том, чтобы этнический дискурс постепенно замещался гражданским. В этом смысле в обществе есть понимание и безальтернативности целостности страны, и общеисторической судьбы, и, главное, закрепление бесценного позитивного исторического опыта в актуальных практиках совместной активности. Речь не идет о возвращении к эпохе великих интернациональных строек, на современном этапе важными являются формирование многонациональных коллективов, усвоение передового социального опыта на уровне регионов и национально-территориальных образований.

Литература

1. Горшков М.К. Российское общество как оно есть. Т. 2. М., 2016. 496 с.
2. Гражданская, этническая, региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М., 2012. 485 с.
3. Бедрик А.В., Сериков А.В. Этноконфессиональные отношения в контексте обеспечения национальной безопасности: региональный аспект // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 11. С. 171–180.

References

1. Gorshkov M.K. Rossiyskoe obshchestvo kak ono est'. T. 2. M., 2016. 496 p.
2. Grazhdanskaya, etnicheskaya, regional'naya identichnost': vchera, segodnya, zavtra. M., 2012. 485 p.
3. Bedrik A.V., Serikov A.V. Etnokonfessional'nye otnosheniya v kontekste obespecheniya nacional'noy bezopasnosti: regional'nyy aspekt. // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2015. № 11. S. 171–180.

4. Горшков М.К. Российское общество как оно есть. Т. 1. М., 2016. 416 с.

5. Волков Ю.Г., Вялых Н.А., Дегтярев А.К., Лубский А.В., Посухова О.Ю., Сериков А.В., Чернобровкин И.П. Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой. Ростов н/Д., 2015.

6. Пути России: существенные ограничения и возможные варианты. М., 2004. 285 с.

7. Российское общество и вызовы времени. Кн. 2. М., 2015. 432 с.

8. Волков Ю.Г. Институциональные практики в межэтническом взаимодействии на Юге России: опыт социальной диагностики // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 7. С. 8–14.

9. Российское общество и вызовы времени. Кн. 1. М., 2015. 336 с.

4. Gorshkov M.K. Rossiyskoe obshchestvo kak ono est'. T. 1. M., 2016. 416 p.

5. Volkov Yu.G., Vyalykh N.A., Degtyarev A.K., Lubskiy A.V., Posukhova O.Yu., Serikov A.V., Chernobrovkin I.P. Cennostnaya politika i institucionalnye praktiki v sfere mezhetnicheskikh otnosheniy v ekonomicheski razvitykh stranakh so slozhnoy etnokulturnoy strukturoy. Rostov n/D., 2015.

6. Puti Rossii: sushchestvennye ograniicheniya i vozmozhnye varianty. M., 2004. 285 p.

7. Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kn. 2. M., 2015. 432 p.

8. Volkov Yu.G. Institucionalnye praktiki v mezhetnicheskom vzaimodeystvii na Yuge Rossii: opyt socialnoy diagnostiki // Socialno-gumanitarnye znaniya. 2016. № 7. P. 8–14.

9. Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kn. 1. M., 2015. 336 p.